

Клайв С. Льюис
«ПОКОРИТЕЛЬ ЗАРИ»,
или
ПЛАВАНИЕ НА КРАЙ СВЕТА

Клайв Стейплз Льюис
«Покоритель зари», или
Плавание на край света
Серия «Хроники Нарнии», книга 5

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66426030

Аннотация

Лучший нарнийский корабль «Покоритель Зари» был построен по приказу короля Каспиана. И вот уже ветер надувает паруса – неустрашимая команда во главе с королем, Люси, Эдмундом и их племянником Юстэсом отважилась отправиться на поиски семерых лордов, изгнанных диктатором Миразом, к далеким Восточным островам.

Там, где заканчивается мир, – все самое интересное только начинается!

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	17
Глава третья	32
Глава четвёртая	44
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Клайв Стейплз Льюис **«Покоритель зари», или** **Плавание на край света**

Посвящается Джеффри Барфилду

Глава первая **Картина в детской**

Жил-был мальчик, которого звали Юстас Кларенс Вред, и фамилия подходила ему как нельзя лучше. Родители называли его Юстасом Кларенсом, а учителя – Вредом. Не могу сказать, как обращались к нему друзья, потому что друзей у него не было. Он звал своих родителей не «папа» и «мама», а по имени, Гарольд и Альберта. Они были чрезвычайно современными и передовыми людьми: ели вегетарианскую пищу, не курили, не пили, носили экологически чистое белье. В их доме почти отсутствовала мебель, кровати в спальне были жесткими, а окна всегда стояли нараспашку. Юстасу Кларенсу нравились животные, особенно насекомые: мертвые, насаженные на булавку жуки, – а ещё книги, в которых содержались точные сведения и фотографии элеваторов или толстенных иностранных детей, занимающихся физически-

ми упражнениями в образцовых школах.

Юстас Кларенс недолюбливал своих родственников, четверых детей семейства Певенси: Питера, Сьюзен, Эдмунда и Люси, – но обрадовался, узнав, что Эдмунд и Люси какое-то время проживут у них. В глубине души он любил командовать, обожал кого-нибудь поддразнивать, и хотя был маленьким и слабым, а если бы дело дошло до драки, не сумел бы справиться даже с Люси, не говоря уже об Эдмунде, ему были известны десятки способов испортить жизнь кому угодно, если он был у себя дома, а эти кто угодно у них гостили.

Эдмунда и Люси вовсе не радовала перспектива пожить у дяди Гарольда и тети Альберты, но ничего не поделаешь: их отца пригласили на четыре месяца в Америку читать цикл лекций, и маме пришлось поехать с ним, потому что она десять лет не отдыхала по-настоящему. Питеру предстояло провести каникулы у старого профессора Кёрка, под руководством которого он усердно готовился к экзаменам. Именно в доме профессора эти четверо детей пережили чудесные приключения несколько лет назад, во время войны. Если бы он по-прежнему жил в том же доме, они все могли бы остаться у него, но с тех пор профессор обеднел и жил теперь в небольшом коттедже, где была всего одна гостевая спальня. Взять остальных детей в Америку было слишком дорого, поэтому с родителями поехала только Сьюзен.

Она считалась самой красивой из детей Певенси и при этом не блистала успехами в школе, хотя во многих отно-

шениях была совершенно взрослой, и мама решила, что ей поездка в Америку даст гораздо больше, чем младшим. Эдмунд и Люси старались не завидовать Сьюзен, но перспектива провести летние каникулы у тетушки наводила на них тоску.

– У тебя хоть своя комната будет, – посетовал Эдмунд, – а мне придётся делить спальню с этим противным Юстасом.

Эта история началась ближе к вечеру, когда Эдмунд и Люси улучили несколько драгоценных минут, чтобы побыть вдвоём. И конечно, говорили они о Нарнии – своей собственной тайной стране. Думаю, у большинства из нас есть своя тайная страна, но только воображаемая. В этом отношении Эдмунду и Люси повезло больше, чем другим: их тайная страна существовала на самом деле, им даже удалось дважды её посетить – не в игре, не во сне, а наяву. Разумеется, они попадали туда волшебным образом, иначе до Нарнии не добраться, и главное – получили обещание, или почти обещание, что когда-нибудь туда вернуться, поэтому неудивительно, что они беспрестанно говорили об этом, как только выпадала возможность.

Сидя на краешке кровати в комнате Люси, они разглядывали картину на противоположной стене, единственную во всём доме, которая им нравилась. А тёте Альберте она совсем не нравилась, поэтому её и повесили в небольшой задней комнате на верхнем этаже, но избавиться от неё не представлялось возможным: это был свадебный подарок от чело-

века, которого ей не хотелось обидеть.

На картине был изображён корабль, который плыл прямо на вас. Его позолоченный нос был выгнут в виде морды дракона с широко открытой пастью. Корабль был одномачтовый, с квадратным парусом роскошного пурпурного цвета. Борта корабля – насколько можно было разглядеть их цвет там, где кончались золочёные крылья дракона, – были зелёными. Корабль вздымался на гребне чудесной синей волны, а ближайшая волна обрушивалась на вас, переливаясь синевой и пенясь. Корабль, несомненно, летел вперёд, а весёлый ветерок дул с левого борта. Солнечные лучи заливали корабль, и вода у борта отливала зелёным и пурпурным, а с другого борта была тёмно-синей от тени корабля.

– Вопрос в том, – заметил Эдмунд, – не становится ли хуже, когда глядишь на нарнийский корабль, а попасть на него не можешь.

– Глядеть всё-таки лучше, – отозвалась Люси. – А корабль совершенно нарнийский.

– Опять старые игры? – с ухмылкой спросил Юстас Кларенс, который подслушивал под дверь, а теперь вошёл в комнату. Прошлым летом, когда гостил в семействе Певенси, он слышал эти разговоры о Нарнии, и ему нравилось поддразнивать кузенов. Разумеется, он считал, что всё это выдумки, а поскольку сам был слишком глуп, чтобы что-то придумать, то ему это не нравилось.

– Тебя сюда не звали! – отрезал Эдмунд.

– Я сочиняю лимерик, – сказал Юстас. – Что-то вроде:

Ребята, болтая про Нарнию,
Становятся придурковатыми...

– Ну, прежде всего, «Нарнию» и «придурковатыми» не рифмуются, – заметила Люси.

– Это ассонанс, – возразил Юстас.

– Только не спрашивай его, что такое «ассо-что-то-там», – вмешался Эдмунд. – Он только и ждёт, чтобы ему задали вопрос. Ничего не говори – может, он уйдёт.

Большинство ребят на месте Юстаса либо тут же ушли бы, либо рассердились, но он остался, продолжая ухмыляться, и снова завёл разговор:

– Вам нравится эта картина?

– Бога ради, не давай ему заговорить о живописи, – поспешно предупредил Эдмунд, но Люси, исключительно правдивая девочка, уже ответила:

– Да, очень нравится.

– Картина дрянь! – заявил Юстас.

– Если ты уйдёшь, то не будешь её видеть, – буркнул Эдмунд.

– Чем она тебе нравится? – обратился Юстас к Люси.

– Ну, прежде всего тем, что корабль будто в самом деле движется. И вода кажется настоящей, и волны словно действительно вздымаются и опадают.

Конечно, Юстас мог бы возразить, но ничего не сказал, потому что в эту самую минуту взглянул на волны и тоже увидел, что они и в самом деле поднимаются и опускаются. Он всего лишь раз плавал на корабле (совсем недалеко, на остров Уайт) и ужасно страдал от морской болезни, поэтому от вида волн на картине ему снова стало нехорошо. Он хоть и позеленел, но решился взглянуть на картину ещё раз. И тут все трое застыли с открытыми ртами.

В то, что они увидели, трудно поверить, даже когда читаешь об этом. Вдруг всё, что было изображено на картине, пришло в движение, но совсем не так, как в кино: цвета были чище и реальнее, чувствовалось движение воздуха. Нос корабля пошёл вниз и взрезал волну, так что взлетели брызги. Затем позади корабля поднялась новая волна, и в первый раз стали видны корма и палуба, но потом исчезли, и судно словно отвесило поклон. В ту же минуту тетрадь, лежавшая на кровати возле Эдмунда, поднялась, зашелестела страницами и поплыла по воздуху к стене, а Люси почувствовала, что от ветра развеваются волосы. И действительно поднялся ветер – только дул он на них с картины. Вместе с ветром донесли и другие звуки: шуршание волн, плеск воды о борта корабля, скрип и перекрывавший всё остальное гул воздуха и воды. Но именно запах – сильный запах соли – окончательно убедил Люси в том, что это не сон.

– Прекратите! – крикнул Юстас писклявым от испуга и злости голосом. – Вы придумали эту дурацкую игру. Пере-

станьте, а то пожалуюсь Альберте. О-о!

Люси и Эдмунд привыкли к приключениям, но и они могли только, как Юстас, воскликнуть «о-о!», потому что из рамы на них выплеснулась большая холодная солёная волна и окатила с головы до ног.

– Сейчас я выкину эту дрянь! – завопил Юстас, и тут произошло сразу несколько событий.

Юстас кинулся к картине. Эдмунд, который кое-что понимал в волшебстве, бросился за ним с криком, чтобы тот был осторожнее и не валял дурака. Люси ухватила за него с другой стороны, и её потащило вперёд. К этому времени либо они сделались гораздо меньше, либо картина увеличилась в размерах. Юстас прыгнул, чтобы сорвать её со стены, очутился на раме, и перед ним было не стекло, а настоящее море, и волны набегали на раму, как набегали бы на скалы. Крик Юстаса слышался не больше секунды, и как раз когда ребята немного успокоились, на них обрушилась огромная волна, сбила с ног и потащила в море. Отчаянный крик вдруг оборвался – видимо, в рот Юстасу попала вода.

Люси поблагодарила судьбу за то, что за лето хорошо научилась плавать. Правда, неплохо бы плыть помедленнее, да и вода оказалась намного холоднее, чем можно было подумать, глядя на картину. Всё же голову она держала над водой и даже ухитрилась сбросить туфли, что следовало сделать в первую очередь, если оказался в воде в одежде. Рот у неё был закрыт, а глаза открыты. Они всё ещё находились возле ко-

рабля, ей был виден возвышавшийся над ними зелёный борт и люди, смотревшие на неё с палубы. Затем, что было вполне ожидаемо, Юстас в панике уцепился за неё, и оба пошли ко дну.

Вынырнув, Люси успела заметить, как с борта корабля в воду прыгнула белая фигура. Эдмунд подплыл, оторвал от неё завывавшего Юстаса, затем кто-то смутно знакомый подхватил её под руку с другой стороны. С корабля доносились крики, над фальшбортом виднелись головы, потом с борта сбросили канаты и Эдмунд с незнакомцем обвязали её. После этого всё происходило как в замедленной съёмке, так что лицо у неё успело посинеть, а зубы начали выбивать дробь. В действительности же люди наверху просто выжидали момент, чтобы её можно было втащить на палубу, не ударив о борт. Но когда Люси в конце концов оказалась там, несмотря на все старания, на коленке у неё красовался огромный синяк. Её била дрожь, а с одежды стекала вода. Потом на палубу вытащили Эдмунда, а следом за ним – несчастного Юстаса. Последним появился тот самый юноша, что показался ей знакомым: золотоволосый, немногим старше её.

– Ка... Каспиан! – воскликнула Люси, как только смогла дышать.

Да, это был он, нарнийский мальчик-король, которому они в своё время помогли взойти на трон. И Эдмунд тоже сразу узнал его. Они обменялись рукопожатиями и с удовольствием похлопали друг друга по спине.

– А это ваш друг? – сразу же поинтересовался Каспиан, поворачиваясь к Юстасу с ободряющей улыбкой.

Тот так рыдал, как не позволил бы себе любой другой мальчик его возраста из-за того, что всего-навсего промок:

– Отпустите меня! Я хочу уйти. Мне здесь не нравится...

– Уйти? – переспросил Каспиан. – Но куда?

Юстас бросился к борту, словно ожидал увидеть нависшую над морем раму картины или комнату Люси, но его взору предстали лишь синие волны с гребешками пены и голубое небо, простирающееся до самого горизонта. Наверное, не стоит винить его в том, что сердце у него ушло в пятки, а желудок подскочил к горлу.

– Эй, Ринельф! – окликнул Каспиан одного из моряков. – Принеси вина с пряностями для их величеств – им надо согреться после этого купания.

Каспиан по-прежнему называл Эдмунда и Люси величествами, потому что вместе со Сьюзен и Питером они правили в Нарнии задолго до него. Время в Нарнии идёт совсем не так, как у нас: пробыв там сто лет, вы вернётесь в наш мир в тот самый день и час, когда его покинули, – но если через неделю снова окажетесь в Нарнии, то обнаружите, что там прошло несколько сотен лет, или всего один день, или вовсе нисколько. Этого не узнаешь, пока туда не попадешь. Когда четверо детей Певенси оказались в Нарнии во второй раз, для её жителей это было как если бы король Артур возвратился в Британию – ведь некоторые считают, что он вер-

нётся. А я бы даже добавил: чем раньше это произойдёт, тем лучше.

Ринельф вернулся с кувшином глинтвейна, над которым поднимался пар, и четырьмя серебряными кубками. Напиток оказался божественным: с каждым глотком Люси и Эдмунд ощущали, как по телу разливается тепло и возвращаются силы. Юстас же скорчил мину, поперхнулся, выплюнул глинтвейн, и его опять начало мутить. Он снова принялся плакать и просить чего-нибудь успокаивающего и витаминизированного, а кроме того, требовать, чтобы его высадили на ближайшей пристани.

– Весёленького товарища ты приобрёл, братец, – хмыкнув, прошептал Каспиан Эдмунду, и не успел тот что-нибудь сказать, как раздался душераздирающий вопль Юстаса:

– Что это? Уберите эту мерзость!

По правде говоря, на этот раз было чему удивиться. Из кюветы на корме появилось очень странное существо и неторопливо направилось к ним. Это была мышь, но весьма необычного вида: ходила на задних лапах и рост имела примерно два фута. На голове у неё была тонкая золотая повязка, проходившая над одним ухом и под другим, из-под которой торчало длинное алое перо и на очень тёмном, почти чёрном, мехе выглядело довольно эффектно. Левая лапа мыши лежала на рукояти шпаги, почти такой же длинной, как хвост. Зверь выглядел совершенно невозмутимым и серьезным, а его манеры не лишены были изысканности. Люси и Эдмунд

моментально узнали его – это был Рипичип, самый храбрый из говорящих зверей Нарнии, Верховный главнокомандующий, покрывший себя неувядаемой славой в битве под Беруной. Люси, как всегда, захотелось схватить Рипичипа на руки и крепко обнять, но этого, как она прекрасно понимала, никогда не случится: такое обращение глубоко обидело бы его. Тогда девочка опустилась на колено, а Рипичип, как истинный джентльмен, выставил вперёд левую ногу, отвел назад правую, поклонился, поцеловал ей руку, выпрямился, подкрутил усы и сказал высоким резким голосом:

– Нижайшее почтение вашему величеству и его величеству королю Эдмунду. Присутствие столь высокопоставленных особ, несомненно, украсит это славное путешествие.

– О, уберите его! – запричитал Юстас. – Ненавижу мышей, а тем более дрессированных: они глупы, вульгарны и... и вызывают отвращение.

– Как я понял, – обратился Рипичип к Люси, смерив Юстаса долгим взглядом, – этот совершенно невоспитанный субъект пользуется покровительством ваших величеств? Если нет, то...

Продолжить ему не дали Люси и Эдмунд, одновременно чихнув.

– Какой же я идиот: держу вас здесь в промокшей одежде! – воскликнул Каспиан. – Давайте спустимся вниз, и вы переоденетесь. Ты можешь занять мою каюту, Люси, но, боюсь, на корабле не найдётся женской одежды, так что при-

дётся воспользоваться моей. Веди нас, доблестный Рипичип!

– Ради дамы, – отозвался Рипичип и сурово посмотрел на Юстаса, – даже вопрос чести может быть отложен – во всяком случае, на время.

Каспиан, не желая развития конфликта, подтолкнул гостей вперёд, и через несколько минут Люси уже входила в каюту на корме. Здесь ей сразу всё понравилось: три квадратных окна, за которыми плескалась синяя вода, низкие лавки с подушками с трёх сторон стола, висячая серебряная лампа над головой (она сразу узнала тонкую, изысканную работу гномов) и золотой лев на стене над дверью.

– Это твоя каюта, Люси, – открыв дверь, сказал Каспиан. – Я только возьму кое-что из одежды и уйду. Свою мокрую одежду оставь за дверью – её отнесут на камбуз и приведут в порядок.

Люси почувствовала себя как дома, словно жила в каюте Каспиана уже давно. Покачивание корабля её не беспокоило, ведь в те давние дни, когда была королевой Нарнии, ей приходилось много путешествовать. Каюта была хоть и крошечная, но светлая, безупречно чистая, со стенами, расписанными птицами и зверями, алыми драконами и виноградными лозами. Одежда Каспиана была ей велика, но ничего не подделаешь: где-то подвязала, что-то подогнула, – зато ботинки, сандалии и сапоги оказались такими огромными, что Люси решила ходить босиком. Переодевшись, она посмотрела в окно, на убегающую вдаль воду, и вдохнула полной

грудью: приключения начинаются. Люси была уверена, что они замечательно проведут здесь время.

Глава вторая

На борту «Покорителя зари»

– А вот и ты, Люси! – приветствовал её Каспиан. – Мы ждали тебя. Знакомься: мой капитан лорд Дриниан.

Темноволосый мужчина опустился на колени и поцеловал ей руку.

Заметив рядом только Рипичипа и Эдмунда, Люси спросила:

– А где Юстас?

– В постели, – ответил Эдмунд. – И не думаю, что мы в состоянии ему помочь: он становится совершенно неуправляемым, если проявить к нему внимание.

– Между тем, – заметил Каспиан, – нам троим надо поговорить.

– Ну конечно же! – воскликнул Эдмунд. – Прежде всего о времени. По-нашему прошёл год с тех пор, как мы покинули тебя, как раз накануне коронации. А сколько прошло в Нарнии?

– Ровно три года, – ответил Каспиан.

– Как твои дела? Всё хорошо? – спросил Эдмунд.

– Ты ведь не думаешь, что я смог бы покинуть королевство и пуститься в плавание, если бы что-то было неблагоприятно. Всё хорошо, лучше и быть не может. Никаких разно-

гласий между тельмаринами, гномами, говорящими зверями, фавнами и остальными. А прошлым летом мы сразились ещё и с великанами, так что они теперь платят нам дань. И у меня был замечательный кандидат на роль правителя в мое отсутствие – гном Трам. Помните его?

– Милый Трам! – сказала Люси. – Конечно, я его помню. Лучшего и не найти.

– Предан, как барсук, госпожа, и силен, как... как мышь, – добавил капитан Дриниан, хотя собирался произнести «как лев», но заметил пристальный взгляд Рипичипа.

– Куда мы направляемся? – обратился Эдмунд к Каспиану.

– Ну, это довольно длинная история. Может, ты помнишь, что, когда я был ребёнком, мой дядя Мираз, захвативший власть, избавился от семи друзей моего отца, чтобы те не могли встать на мою сторону, послав их исследовать неизвестные Восточные моря, лежащие за Одинокими островами.

– Да, – продолжила Люси, – и ни один из них не вернулся.

– Верно. Ну и в день моей коронации, с одобрения Аслана, я дал клятву: как только добыю мир в Нарнии, сам поплыву на восток на год и один день, чтобы или разыскать друзей моего отца, или, если они погибли, отомстить за них. Это лорды Ревелиан, Берн, Аргоз, Мавроморн, Октезиан, Рестимар и ... никак не могу запомнить это имя.

– Лорд Руп, сир, – подсказал Дриниан.

– Руп, конечно, Руп, – повторил Каспиан. – Это моя главная цель. Но Рипичип лелеет ещё более смелые надежды.

Тут все посмотрели на Верховного главнокомандующего, и тот подтвердил:

– Смелые, словно мой дух, но, может, и малые, как мой рост. Почему бы нам не отправиться к самому восточному краю света? Может, там мы обнаружим страну Аслана. Великие львы всегда приходили к нам с востока, из-за моря.

– Мне кажется, это *мысль*, – произнёс Эдмунд с благоговением в голосе.

– Ты думаешь, – с сомнением произнесла Люси, – что страна Аслана из таких, куда можно *хоть когда-нибудь* доплыть?

– Не знаю, госпожа, – сказал Рипичип. – Но вот ещё что. Когда я был совсем маленьким и лежал в колыбели, дриада пела мне такую песню:

Там, где небо сойдется с землей,
Станет пресной в море вода,
Там найдешь, мой смелый дружок,
То, что ищешь, – далёкий восток.

Сам не знаю, что это значит, но на всю жизнь очарован этими словами.

После недолгой паузы Люси спросила:

– Где мы сейчас находимся, Каспиан?

– Лучше спросить капитана.

Дриниан достал карту и, разложив на столе, указал пальцем:

– Мы находимся здесь, или были здесь сегодня в полдень. Со стороны Кэр-Параваля мы шли с попутным ветром и держали курс на Гальму, куда прибыли на следующий день, но простояли в порту неделю, потому что герцог устроил большой турнир в честь его величества, на котором он многих рыцарей выбил из седла...

– Да и сам несколько раз был выбит: вон синяки до сих пор остались, – вставил Каспиан.

Капитан широко улыбнулся и продолжил:

– Мы думали, герцог был бы рад, если бы наш король женился на его дочери, но ничего из этого не вышло...

– Косит, и вся в веснушках, – пояснил Каспиан.

– Бедняжка! – отозвалась Люси

– Тогда мы отплыли из Гальмы, – продолжил Дриниан, – и попали в штиль почти на два дня, так что пришлось взяться за вёсла, но затем ветер подул снова и на четвёртый день мы добрались до Теревинфии. Только высадиться на берег не смогли: король выслал гонцов с предупреждением, что в городе эпидемия. Пришлось обогнуть мыс и встать на рейде в небольшой бухте, где пришлось ждать три дня, пока не подул юго-восточный ветер, чтобы можно было двинуться к Семи островам. На третий день нас догнал пиратский корабль: судя по оснастке, теревинфийский, – но обнаружив, что мы хорошо вооружены, удалился, после того как мы об-

менялись несколькими стрелами.

– А надо было догнать их, взять на abordаж и перевешать всех до одного! – вставил Рипичип.

Улыбнувшись, капитан продолжил:

– Через пять дней мы увидели Мьюл, самый западный, как вам известно, из Семи островов, прошли на веслах узкий пролив и к закату были в Алой гавани на острове Брен, где нас прекрасно приняли и дали вдоволь провианта и воды. Из Алой гавани мы вышли через шесть дней, шли на отличной скорости, так что, я надеюсь, послезавтра увидим Одинокие острова. Всего же мы в море около тридцати дней, и прошли за это время более четырёхсот лиг.

– А что после Одиноких островов? – спросила Люси.

– Никто не знает, ваше величество, – ответил Дриниан. – Разве что сами островитяне нам расскажут.

– В наше время они этого не могли, – заметил Эдмунд.

– Значит, – заключил Рипичип, – за Одинокими островами и начнется настоящее приключение.

Каспиан спросил, не хотят ли гости ещё до ужина осмотреть корабль, но Люси, испытывая угрызения совести, сказала:

– Думаю, мне надо пойти проведать Юстаса. Морская болезнь ужасная вещь, вы же знаете. Будь со мной мой целебный бальзам, я бы его моментально поставила на ноги.

– Так он здесь, – сказал Каспиан. – Когда ты его оставила, я подумал, что это одно из королевских сокровищ, и взял.

Если ты думаешь, что его стоит тратить на такую ерунду как морская болезнь...

— Я возьму всего каплю, — пообещала Люси.

Каспиан открыл ларь под одной из лавок и достал оттуда красивую алмазную бутылочку, так хорошо знакомую Люси.

— Возьми, королева, это твое.

Затем они вышли из каюты и оказались на залитой солнечным светом палубе. Там было два больших длинных люка, перед мачтой и за ней, сейчас открытых, как всегда в хорошую погоду, чтобы впускать свет и воздух в чрево корабля.

Каспиан повел их вниз по трапу в люк за мачтой. Они очутились в помещении, где от одного борта до другого шли скамьи для гребцов, а свет проходил сквозь отверстия для весел и плясал на потолке. Разумеется, корабль Каспиана не был галерой, которую приводили в движение гребцы: здесь применяли весла, только когда не было ветра или для того, чтобы войти в гавань или выйти из нее, и каждый (кроме Риппича, слишком маленького для этого) грёб по очереди. Под скамьями оставалось пространство для ног гребцов, а в центре имелось некое подобие ямы, которая доходила до самого киля и была наполнена всякой всячиной: мешками с мукой, бочонками воды и пива, бочками с солониной, кувшинами мёда, мехами с вином, яблоками, орехами, сырами, галетами, репой, вяленным мясом. С потолка, то есть с нижней стороны палубы, свисали окорока и связки лука, там же отды-

хали в гамаках свободные от вахты члены команды. Каспиан вёл Люси и Эдмунда по направлению к корме, шагая по скамьям, и Люси приходилось то и дело едва ли не прыгать, а Рипичип прямо перескакивал с одной скамьи на другую. Таким образом они добрались до помещения, в котором имелась дверь, и Каспиан, открыв её, впустил их в каюту под палубой. Конечно, здесь было не так уютно: низкий потолок, стены книзу сужаются, так что пола почти нет, а окна с толстым стеклом нельзя открыть, потому что они находятся ниже уровня воды. Но как раз в этот момент корабль качало, и окна попеременно были то золотыми от солнечного света, то тускло-зелёными, цвета моря.

– Мы с тобой устроимся здесь, Эдмунд, – сказал Каспиан. – Оставим твоему родственнику койку, а себе повесим гамаки.

– Прошу ваше величество... – начал было Дриниан, но Каспиан его перебил:

– Нет-нет, дружище, мы уже всё обсудили. Вы с Ринсом (так звали помощника капитана), ведёте корабль, часто будете работать по ночам, в то время как мы распевать каччу или развлекать друг друга разными историями, поэтому займите каюту наверху, слева по борту. Нам с королем Эдмундом вполне удобно здесь, внизу. Так как дела у нашего нового знакомого?

Юстас, бледный до синевы и хмурый как туча, спросил, скоро ли кончится шторм, и Каспиан удивился:

– Какой шторм?

Дриниан и вовсе расхохотался:

– Шторм! Да о такой погоде можно только мечтать!

– Кто это? – раздраженно спросил Юстас. – Пусть он уйдет. От его крика у меня заложило уши.

– Я кое-что тебе принесла. Сейчас станет лучше, – сказала Люси.

– Уйди, оставь меня! – заныл было Юстас, но всё же глотнул капельку из её бутылочки.

И хотя он назвал бальзам отвратительным (запах, распространившийся по каюте, когда Люси открыла флакон, был изумительный), щёки его уже через несколько минут приобрели нормальный цвет, он явно почувствовал себя лучше, потому что, перестав жаловаться на бурю и головную боль, стал требовать, чтобы его высадили на берег, пригрозив, что в первом же порту «изложит диспозицию» британскому консулу относительно всех присутствующих. Но когда Рипичип спросил, какую диспозицию и как её изложить, решив, что это какой-то новый способ устроить поединок, Юстас только пробормотал что-то вроде: «Странно этого не знать».

В конце концов им удалось его убедить, что они плывут к берегу как только могут быстро и что не в их власти как вернуть его в Кембридж – где жил дядя Гарольд, – так и отправить на Луну. После этого он мрачно согласился надеть принесенную ему чистую одежду и выйти на палубу.

Каспиан устроил для них экскурсию по кораблю, хотя его

большую часть они уже видели. Они поднялись на полубак, где на небольшом уступе, вделанном в позолоченную шею дракона, стоял вперёдсмотрящий и сквозь его открытую пасть наблюдал за окрестностями. Внутри полубака располагался камбуз (корабельная кухня) и помещения для боцмана, плотника, кока и командира лучников. Если вам кажется странным, что камбуз увешан луками, или вы представляете себе, как дым из труб стелется по палубе, то это потому, что вы думаете о парходах, у которых ветер всегда встречный. На парусных кораблях ветер дует сзади, и все запахи уносит далеко вперёд. Новоприбывших провели на марс, и сначала им показалось страшновато раскачиваться взад-вперед и видеть палубу далеко внизу. Было понятно, что если вдруг почему-то упадёшь, то ещё неизвестно, куда свалишься: на палубу или в воду.

Посетили гости и полуют, где на вахте у румпеля стояли Ринс и один из матросов, затем пошли дальше, туда, где поднимался позолоченный хвост дракона, а внутри стояла небольшая скамья. Корабль назывался «Покоритель зари» и был совсем небольшим по сравнению с каким-либо нашим кораблем или даже баркасами, парусными галерами и галеонами, которыми располагала Нарния, когда здесь правили Люси и Эдмунд под главенством Верховного короля Питера, потому что во времена предшественников Каспиана мореплавание едва не угасло. Когда его дядя Мираз, захвативший власть, отправил семь лордов в плавание, пришлось по-

купать корабль в Гальме и там же набирать команду. Но Каспиан сумел возродить мореплавание в Нарнии, и «Покоритель зари» был самым красивым из уже построенных при нём кораблей, хотя и настолько маленьким, что перед мачтой на палубе едва оставалось место между центральным люком и корабельной шлюпкой с одной стороны и клеткой для кур – с другой. И всё же корабль был красавец, «благородный», как говорили моряки, прекрасных очертаний, чистых тонов, где каждый брус и каждый канат или уключину делали с любовью.

Юстасу, разумеется, ничего не нравилось: он всё нахваливал лайнеры и катера, аэропланы и подводные лодки («Как будто что-то в них понимает», – возмущался Эдмунд), но остальные были от «Покорителя зари» в восторге. А когда все прошли в каюту на корме, и поужинали, и увидели западную часть неба, озарённую огромным алым закатом, и ощутили подрагивание корабля, и почувствовали соль на губах, и подумали о неизвестных землях на восточном краю мира, Люси ощутила себя по-настоящему счастливой.

А то, что думал Юстас, можно пересказать его собственными словами. Как только на следующее утро получил свою высушенную одежду, он вытащил из кармана небольшую черную записную книжку и карандаш и начал вести дневник. Он всегда носил эту книжку с собой и записывал в неё свои оценки, потому что, хотя ни один предмет его особенно не интересовал, был озабочен оценками других и часто

спрашивал одноклассников, кто что получил. Но поскольку на «Покорителе зари» оценок не ставили, он взялся вести дневник. Вот первая запись:

«7 августа

Вот уже целые сутки я нахожусь на этом жутком корабле, если только это не сон. Все время свирепствует шторм (как хорошо, что я не подвержен морской болезни!). Через носовую часть перекатываются огромные волны, и корабль несколько раз чуть не погрузился в воду. Все остальные делают вид, что не замечают этого, либо из притворства, либо потому, что, как говорит Гарольд, трусость простых людей состоит в том, чтобы не видеть фактов. Безумие выходить в море на такой хлипкой посудине. Сам корабль не больше спасательной шлюпки. И, разумеется, внутри всё устроено самым примитивным образом: ни ресторана, ни радио, ни ванн, ни шезлонгов на палубе. Вчера меня протащили по всему кораблю, и можно было умереть от скуки, слушая, как Каспиан расхваливает свою игрушечную посудину, словно это «Куин Мэри». Я попытался рассказать ему, на что похожи настоящие корабли, но он слишком глуп. Э. и Л., *разумеется*, меня не поддерживали. Думаю, такой младенец, как Л., не осознает опасности, а Э. подлизывается к К., как и все остальные. Они называют его королем. После моего заявления, что я республиканец, он спросил, что это значит! Он ничего об этом не знает. *Не стоит и говорить*, что меня поместили в самую

плохую каюту на корабле, в настоящую темницу, а Люси – одной – отвели целую каюту (можно сказать, прекрасную по сравнению со всем остальным здесь). К. говорит – это потому, что она девочка. Я попытался разъяснить ему, что по этому поводу говорит Альберта: подобные вещи унижают девочек, – но он слишком глуп. Кроме того, он мог бы и понять, что я заболел, если меня и дальше держать в этой *норе*. Э. говорит, что нечего ворчать, ведь сам К. делит с нами эту каюту, освободив свою для Лу. Как будто от этого здесь не становится больше народу, и от этого ещё хуже. Я чуть не забыл сказать, что здесь ещё есть удивительно нахальная мышь по кличке Рипичип. Остальные делают вид, что им нравится, когда он дерзит, но если будет цепляться ко мне, я быстро накручу ему хвост. Еда тоже отвратная».

Скандал с Юстасом и Рипичипом произошел гораздо скорее, чем можно было ожидать. На следующий день перед обедом, когда все остальные сидели вокруг стола (пробывание на море пробуждает великолепный аппетит), вдруг с криком, заламывая руки, вбежал Юстас.

– Эта тварь чуть не убила меня! Я настаиваю, чтобы её посадили под замок, иначе намерен возбудить против тебя, Каспиан, дело, или даже приказать тебе его уничтожить.

В этот момент появился Рипичип: со шпагой наголо, свирепо топорщившимися усами, но, как всегда, безукоризненно вежливый.

– Прошу у вас всех прощения, а у её величества особо. Если бы я знал, что он будет искать убежища здесь, то дождался бы более подходящего момента, чтобы наказать его.

– Да в чём дело-то? – спросил Эдмунд.

Оказалось, произошло вот что. Рипичип, которому всегда казалось, что судно движется недостаточно быстро, любил сидеть на фальшборту на носу корабля, рядом с головой дракона, смотреть на восток и тихонько петь своим высоким голосом ту самую колыбельную, которую пела ему дриада. Он ни за что не держался, хотя корабль качало, и с удивительной легкостью сохранял равновесие – возможно, благодаря своему длинному хвосту, свисавшему до палубы. На корабле все знали об этом его обыкновении, и матросам нравилось, что он сидит там, потому что вперёдсмотрящему было с кем поговорить. Зачем Юстас, спотыкаясь и покачиваясь (ещё не научился ходить по палубе во время качки), побрел на полубак, я так и не узнал: возможно, надеялся увидеть землю, а возможно, собирался зайти на камбуз и выпросить еды. Так или иначе, увидев свисающий длинный хвост – возможно, это оказалось большим искушением, – он подумал, как было бы заманчиво схватить его и пару раз поворачать Рипичипа вверх ногами, захохотать и убежать. Поначалу казалось, что всё удалось: мышь не была многим тяжелее большой кошки, и Юстас мгновенно стащил её с фальшборта. Выглядела она при этом совершенно по-дурачки – с раскоряченными лапами и разинутым ртом. Только проказник не знал, что Рипи-

чип, которому не раз приходилось сражаться, никогда, ни на минуту, не терял самообладания, как и сноровки. Не так легко вытащить шпагу, когда тебя вращают в воздухе за хвост, но он сумел. Юстас ощутил два болезненных укола в руку, что заставило его выпустить хвост, затем Рипичип вскочил, словно был и не мышь вовсе, а мячик, и оказался перед обидчиком. Нечто ужасно длинное, блестящее, острое, как вертел, закачалось перед ним на расстоянии дюйма от живота. (Это не считалось «ниже пояса», ведь трудно было ждать, что мыши в Нарнии дотянутся выше.)

– Прекрати! – смертельно испугавшись, выкрикнул Юстас. – Убери эту штуку и убирайся. Это опасно. Ты что, оглох? Сейчас я пожалуюсь Каспиану, и тебя свяжут и наденут намордник.

– Почему ты не обнажишь свою шпагу, трус? – пропищал Рипичип. – Вынимай её и сражайся!

– У меня нет шпаги, – заявил Юстас. – Я пацифист и против поединков.

– Верно ли я понял, – сурово произнес Рипичип, на секунду отведя шпагу, – что ты не собираешься драться?

– Не понимаю, о чем ты, – пробубнил Юстас, поглаживая раненую руку. – Если ты шуток не понимаешь – твоя проблема.

– Тогда вот тебе! – сказал Рипичип и нанёс ему весьма ощутимый удар шпагой плашмя. – И вот еще... чтобы научить тебя хорошим манерам... и уважению к рыцарям... и

мышам... и мышиным хвостам.

После каждого назидания следовал удар, а стальная шпага, выкованная руками гномов, была тонкая, крепкая, гибкая и действовала не хуже розги.

Юстас, разумеется, учился в школе, где не было телесных наказаний, но это не помешало ему быстро сообразить, что нужно спастись. Поэтому, несмотря на то что не привык ходить по палубе, он меньше чем за минуту пробежал по палубе от полубака и ворвался в дверь каюты, а следом за ним — разъярённый Рипичип.

Разобраться с этим делом оказалось вовсе не трудно. Как только осознал, что все относятся к идее поединка совершенно серьёзно, и услышал, что Каспиан готов одолжить ему шпагу, а Дриниан и Эдмунд обсуждают, не нужно ли каким-то образом уравновесить шансы дуэлянтов, раз он намного выше своего противника, Юстас угрюмо извинился и ушёл вместе с Люси, чтобы та обработала и перевязала ему руку, а потом отправился на свою койку и осторожно лёг на бок.

Глава третья

Одинокие острова

– Земля на горизонте! – послышался голос вперёдсмотрящего.

Люси, беседовавшая с Ринсом на полуяте, сбежала вниз по трапу и бросилась вперёд. За ней последовал Эдмунд. Каспиан, Дриниан и Рипичип оказались уже на полубаке. Прохладным утром небо было бледное, а море тёмно-синее с небольшими белыми гребешками пены, и там, немного с правого борта, виднелся ближайший из Одиноких островов, Фелимат, возвышаясь зелёным холмом над морем, а за ним, подальше, виднелись серые склоны Дорна.

– Вот же он, Фелимат! Вот Дорн! – воскликнула Люси, хлопая в ладоши. – О, Эдмунд, как же давно мы с тобой видели их в последний раз!

– Я никогда не понимал, почему они принадлежат Нарнии, – заметил Каспиан. – Их завоевал Верховный король Питер?

– Нет, – ответил Эдмунд. – Они были нарнийскими ещё до нас, во времена Белой колдуньи.

(Кстати, я никогда не слышал, каким образом эти отдаленные острова стали принадлежать королевству Нарнии, и если когда-нибудь узнаю, а история окажется интересной, рас-

скажу её в другой книге.)

– Мы будем заходить туда, сир? – спросил Дриниан.

– Думаю, не стоит высаживаться на Фелимат, – сказал Эдмунд. – Он был, можно сказать, необитаемым в наше время, и, похоже, таким и остался. Народ живёт по большей части на Дорне и немного на Авре, это третий остров, его ещё не видно. А на Фелимате пасли овец.

– Тогда мы обогнём этот мыс, я думаю, – сказал Дриниан, – и пристанем к Дорну. Значит, придётся идти на веслах.

– Жаль, что мы не высадимся на Фелимате, – посетовала Люси. – Мне бы хотелось снова погулять там. Там так уединённо и так славно, кругом только трава и клевер, и лёгкий ветерок с моря.

– Я бы тоже с удовольствием размял ноги, – сказал Каспиан. – Вот что я вам скажу. Почему бы нам не поплыть к берегу на шлюпке и затем отослать её обратно? Мы могли бы пересечь Фелимат, а «Покоритель зари» подберёт нас на той стороне острова.

Обладая Каспиан тем опытом, какой накопился у него к концу путешествия, никогда не предложил бы этого, но в тот момент предложение казалось замечательным.

– О, давайте! – воскликнула Люси.

– Ты ведь пойдёшь? – спросил Каспиан у Юстаса, когда тот появился на палубе с перевязанной рукой.

– Всё, что угодно, только бы уйти с этого жуткого корабля!

– Жуткого? – переспросил Дриниан. – Что ты хочешь ска-

зять?

– В цивилизованных странах вроде той, где я живу, корабли так велики, что внутри их совсем не чувствуешь, что находишься в море.

– В таком случае можно просто остаться на берегу, – предложил Каспиан. – Распорядишься, чтобы спустили шлюпку, Дриниан?

Король, Рипичип, брат и сестра Певенси и Юстас сели в шлюпку, и их отвезли на берег Фелимата. Когда шлюпка начала удаляться от берега, все повернулись и посмотрели на «Покорителя зари». Удивительно, каким маленьким показался им корабль.

Люси, разумеется, шла босиком, потому что туфли сбросила, когда плыла, но идти по мягкому дёрну было легко. Какое счастье снова очутиться на суше, вдохнуть аромат земли и травы, даже если сначала казалось, что земля то поднимается, то опускается, словно палуба, как обычно бывает после пребывания в море. Здесь было гораздо теплее, чем на корабле, и Люси с удовольствием прошлась по песку. Слышалось пение жаворонка.

Продвигаясь в глубь острова, они поднялись на крутой, хотя и невысокий холм, и на вершине, конечно, обернулись посмотреть на корабль. «Покоритель зари» сиял, словно большая яркая бабочка, и медленно двигался на вёслах к северо-западу, но как только они стали спускаться по склону, исчез из виду.

Теперь перед ними лежал Дорн, отделенный от Фелимата проливом шириной в милю, а за ним слева виднелся остров Авра. На Дорне легко было разглядеть небольшой белый городок – Узкую Гавань.

– О! А это кто такие? – вдруг воскликнул Эдмунд.

В зелёной долине, куда они спускались, под деревом сидели шесть-семь грубоватых на вид вооруженных мужчин.

– Не говорите им, кто мы, – предупредил Каспиан.

– Но почему же, ваше величество? – удивился Рипичип, которого – с его согласия – Люси несла на плече.

– Мне кажется, – сказал Каспиан, – что здесь давно уже никто не слышал о Нарнии. Возможно, они ещё не признали нашего правления. В этом случае может быть опасно, если во мне узнают короля.

– Мы при шпагах, сир, – напомнил Рипичип.

– Да, Рип, я знаю. Но если речь идет о том, чтобы заново завоевать эти три острова, я предпочёл бы появиться здесь с более многочисленной армией.

Они уже почти дошли до незнакомцев, когда вдруг один из них, черноволосый крепыш, поднялся.

– Доброе утро!

– И вам доброго утра, – ответил на приветствие Каспиан. – Здесь ли ещё губернатор Одиноких островов?

– Будьте уверены, здесь. Губернатор Гумп. Он в Узкой Гавани. А вы останьтесь и выпейте с нами.

Каспиан поблагодарил, и хотя никому из его друзей не по-

направились эти странные люди, они всё же сели на землю. В тот же миг, не успели они поднести кружки ко рту, черно-волосый мигнул приятелям, и они набросились на своих гостей. Те отчаянно сопротивлялись, но все преимущества были не на их стороне, так что вскоре оказались обезоруженными, со связанными руками – все, кроме Рипичипа, который извивался в руках его державшего и что есть сил кусался.

– Осторожнее с этой тварью, Такс! – предупредил главарь. – Не покалечь его. Думаю, за него дадут самую большую цену.

– Трус! Негодяй! – пропищал Рипичип. – Верни мне шпагу и развяжи лапы, если осмелишься.

– Ну и ну! – присвистнул работорговец (а это был именно один из них). – Он ещё и говорит! Никогда ничего подобного не видел. Провалиться мне на этом месте, если за него не дадут двухсот полумесяцев!

Тархистанский полумесяц, основная монета в этих краях, равнялась примерно трети фунта.

– Вот, значит, ты кто, – проговорил Каспиан. – Похититель детей и работорговец. Есть чем гордиться.

– Ну-ну, не груби. Чем легче к этому относишься, тем приятнее, верно? Я занимаюсь этим не для развлечения: зарабатываю на жизнь, как любой другой.

– Куда вы нас поведёте? – выдавила Люси.

– В Узкую Гавань, – ответил работорговец. – Завтра как раз базарный день.

– Здесь есть британский консул? – вступил в диалог Юстас.

– Кто? – не понял черноволосый.

Юстас принялся подробно объяснять, но работорговец не пожелал его слушать.

– Хватит болтать! Говорящая мышь – это отлично, а этот несёт какую-то чушь. Двинулись, ребята.

Четверых узников связали вместе, не жёстко, но надёжно, и повели вниз по склону. Рипичипа несли. Ему пригрозили завязать рот, поэтому кусаться он перестал, но ругаться не прекратил, и Люси удивлялась, как это работорговец терпит оскорбления. Но тот, похоже, не возражал, а, напротив, когда Рипичип замолкал, чтобы перевести дух, говорил:

– Давай дальше. – И добавлял: – Отличная забава! – Или: – Вот это да! Прямо начинаешь верить, что он всё понимает! Это кто-то из вас его выучил?

Это так злило Рипичипа, что он, в конце концов, чуть не задохнулся и умолк.

Выйдя на берег, обращённый к Дорну, они увидели небольшую деревушку, баркас, который вытащили на песок, а чуть подальше выдавшее виды судно.

– Ну, ребяташки, – сказал работорговец, – давайте не ссориться, и вам не о чем будет жалеть. Все на борт.

В этот момент из одного дома – похоже, таверны – вышел какой-то красивый бородач и спросил:

– Что, Мопс, опять с товаром?

Работорговец, которого, как оказалось, звали Мопс, низко поклонился и сказал льстивым тоном:

– Да, если ваша светлость так считает.

– Сколько ты хочешь за этого мальчика? – спросил бородач, указывая на Каспиана.

– Ах этого... Ваша светлость всегда выбирает всё самое лучшее. Только этот мальчик мне самому пришёлся по сердцу. Понравился. Я ведь человек мягкий, и не всегда занимался этим делом. Но такому покупателю, как ваша светлость...

– Назови свою цену, подлец! Неужели ты думаешь, я стану слушать, как ты расписываешь своё грязное ремесло?

– Триста полумесяцев, милорд, только для вашей светлости, а кому-нибудь другому...

– Я дам тебе полтора ста.

– Пожалуйста, прошу, – вмешалась Люси, – не разделяйте нас. Вы не знаете...

Она прикусила язык, заметив, что Каспиан не желает, чтобы знали, кто он, а мужчина сказал:

– Так значит, полтора ста. Девочка, мне жаль, но я не могу купить вас всех. Отвяжи моего мальчика, Мопс. И смотри обращайся с остальными хорошо, пока они в твоих руках, или тебе плохо будет.

– Ну а как же! Разве кто-нибудь может сказать, что джентльмен, промышляющий тем же, чем я, обращается со своим товаром лучше меня? Да я отношусь к ним как к собственным детям.

– Похоже на то, – мрачно сказал мужчина.

И вот настал ужасный момент. Каспиана развязали, и новый хозяин приказал ему:

– Иди туда, паренек.

Люси расплакалась, Эдмунд побледнел, но Каспиан обернулся и через плечо сказал им:

– Держитесь! Я уверен, что в конце концов всё наладится. Пока.

– Эй, барышня, – сказал Мопс, – ну-ка перестаньте! Хотите на завтрашнем базаре быть некрасивой? Будете себя хорошо вести, и вам не придётся плакать, поняли?

Лодка с пленниками подошла на вёслах к посудине работорговца, и всех их спустили вниз, в длинный тёмный и довольно грязный трюм, где обнаружилось множество товарищей по несчастью. Разумеется, Мопс был пиратом и только что вернулся из рейса между островами, где захватил кого только удалось. Дети не знали никого из пленников, которые были по большей части из Гальмы и Теревинфии. Усевшись на солому, они гадали, как там Каспиан, и пытались остановить Юстаса, который винил в произошедшем всех, кроме себя.

Тем временем с Каспианом происходили куда более интересные события. Они вышли на лужайку позади деревни, и купивший его мужчина вдруг обернулся и, посмотрев на мальчика, сказал:

– Не бойся, я буду обращаться с тобой хорошо. Да и купил

я тебя потому, что твоё лицо кое-кого мне напомнило.

– Могу я спросить, кого, милорд?

– Ты очень похож на моего господина Каспиана, короля Нарнии.

И Каспиан решил рискнуть:

– Милорд, я и есть ваш господин Каспиан, король Нарнии.

– Да ты не робок, как я погляжу. А как я узнаю, что это правда?

– Прежде всего по моему лицу, – сказал Каспиан. – А ещё потому, что я догадался, кто вы: один из семи лордов, которых мой дядя Мираз отправил в плавание и которых я разыскиваю: Аргоз, Берн, Октезиан, Рестимар, Мавроморн и... и... не помню, как зовут остальных. И, наконец, если ваша светлость даст мне шпагу, я докажу в честной битве с любым противником, что я Каспиан, сын Каспиана, законный король Нарнии, правитель Кэр-Параваля, властитель Одинок-островов.

– Боже! – воскликнул человек. – Это же голос его отца и его же манера говорить! Господин мой, ваше величество...

Он опустился на колени и поцеловал королю руку.

– Деньги, что вы заплатили за меня, вам вернут из моей казны, – пообещал Каспиан. – А теперь назовите ваше имя.

– Лорд Берн, сир. А деньги Мопсу я ещё не отдавал, и надеюсь, не отдам. Сколько раз я говорил губернатору, что нужно прекратить эту отвратительную торговлю людьми.

– Милорд Берн, мы обязательно поговорим о положении

этих островов, но сначала расскажите вашу собственную историю.

– Она очень короткая, сир. Я прибыл сюда с моими шестью спутниками, полюбил девушку с островов и почувствовал, что с меня довольно моря. Предложения вернуться в Нарнию не было, у власти стоял ваш дядя. И я женился и стал жить здесь.

– А что представляет собой здешний губернатор? Он всё ещё признаёт своим господином короля Нарнии?

– На словах да: все делается именем короля, – но вряд ли он обрадуется, обнаружив, что к нему явился настоящий, живой король Нарнии. И если ваше величество предстанет перед ним без сопровождения, безоружным – он не станет отрицать своей верности королю, но притворится, что не верит вам. Жизнь вашего величества окажется в опасности. Что вы делаете в этих водах?

– Мой корабль сейчас огибает этот мыс. И если дело дойдет до схватки, у нас около трех десятков шпаг. Может, нам стоит напасть на Мопса и освободить моих друзей, которых он захватил?

– Я бы не советовал, – сказал Берн. – Если будет схватка, из Узкой Гавани выйдут два-три корабля спасать Мопса. Ваше величество должны действовать, как будто у вас больше сил, чем на самом деле, и наводить ужас именем короля. До открытого сражения дело не должно дойти. Гумп трус, так что перепугается насмерть.

После недолгой беседы Каспиан и Берн спустились к берегу чуть западнее деревни, и здесь Каспиан протрубил в свой рог. (Это был не тот рог, огромный волшебный рог Нарнии, что принадлежал королеве Сьюзен и был оставлен правителю Траму, чтобы он мог использовать его в отсутствие короля в случае возможного бедствия.) Дриниан, ожидавший сигнала, мгновенно узнал звук королевского рога, и «Покоритель зари» направился к берегу. Затем была спущена шлюпка, и через несколько минут Каспиан и лорд Берн оказались на палубе и объяснили Дриниану ситуацию. Он, как и Каспиан, захотел, чтобы «Покоритель зари» взял рабовладельческий корабль на abordаж, но Берн представил те же самые возражения и добавил:

– Идите прямо по этому проливу, капитан, затем поверните к Авре: там находится мое имение, – но сначала поднимите королевский штандарт, выставьте все ваши щиты и пошлите на палубу столько народу, сколько сможете. И когда окажетесь на расстоянии пяти полетов стрелы, подайте с левого борта несколько сигналов.

– Сигналов? Кому? – удивился Дриниан.

– Ну, всем кораблям, которые у нас якобы есть, – это для Гумпа.

– А, я понял, – сказал Дриниан, потирая руки. – И они прочитают наши сигналы. Что же сообщить? «Всем кораблям обогнуть с юга Авру и собраться у...»

– Бернстеда, – подсказал лорд Берн. – Это должно подей-

ствовать. Все передвижения кораблей – если бы они там были – из Узкой Гавани не видны.

Каспиана огорчало, что его друзья томятся на корабле Мопса, но всё складывалось как нельзя лучше. Позже, ближе к вечеру (весь день пришлось идти на вёслах), обогнув северо-восточную оконечность Дорна и один из мысов Авры, они вошли в удобную гавань на южном берегу Авры, где до самой кромки воды спускались владения Берна. На полях работали люди, причём вовсе не рабы, и было видно, что поместье процветает. Все сошли на берег и были приняты в невысоком доме с колоннами по-королевски. Сам хозяин, его красавица жена и весёлые дочери не давали гостям скучать ни минуты, а когда спустились сумерки, Берн послал человека на лодке на Дорн, чтобы совершить некие приготовления (какие именно, он не сказал) к завтрашнему дню.

Глава четвёртая

Чем занимался Каспиан на острове

На следующее утро лорд Берн разбудил гостей на рассвете, а после завтрака предложил Каспиану отдать приказ своим людям полностью вооружиться и добавил:

– И самое главное, пусть всё будет подготовлено так тщательно, как будто сегодня первая битва в великой войне между благородными королями на глазах у всего мира.

Это предложение было принято, и на трёх полностью загруженных шлюпках Каспиан со своими людьми и Берн с частью своих направились в сторону Узкой Гавани. На корме шлюпки Каспиана развевался королевский штандарт, при нём же находился и трубач.

Когда шлюпки достигли пристани в Узкой Гавани и Каспиан увидел толпу встречавших, Берн сказал:

– Вот с каким поручением я посылал вчера человека. Все эти люди мои друзья.

Как только Каспиан ступил на берег, толпа разразилась криками «ура!» и восклицаниями: «Нарния! Нарния! Да здравствует король!» В этот момент – тоже благодаря посланцу Берна – из разных частей города раздался колокольный звон. Каспиан приказал, чтобы первым шёл знаменосец, за ним – трубач, а все его люди обнажили шпаги и смотрели

весело и решительно. Вверх по улице они прошли так, что под ними дрожала мостовая, а оружие сияло так (утро выдалось солнечным), что было больно глазам.

Сначала Каспиана приветствовали только те, кого предупредил посланец Берна: кто знал, что произошло, и радовался этому, – но затем к ним присоединились все ребятишки – им просто нравилась процессия, да и видеть таких не доводилось. Не остались в стороне и школьники, и не только потому, что им тоже нравилась процессия: они понимали, что чем больше шума и суматохи, тем меньше вероятность, что придётся сидеть этим утром на уроках. Следом высунулись из дверей и окон старухи и принялись переговариваться, радуясь появлению короля, – ведь что такое губернатор по сравнению с его величеством? По той же причине присоединились к толпе молодые женщины и девушки. Не последнюю роль сыграло и то, что Каспиан и Дриниан, да и все остальные, были хороши собой. Их примеру последовали и молодые люди: подошли поближе, чтобы посмотреть, на кого это они любят. Таким образом, к тому моменту, когда Каспиан дошел до ворот замка, приветствовать его собрались почти все горожане. Сидевший в замке Гумп, с трудом разбираясь со счетами, бланками, приказами и уставами, вдруг услышал шум.

У ворот замка звук трубы сменился голосом глашатая Каспиана:

– Открывай ворота королю Нарнии, выходи встречать его,

верный и любящий слуга, губернатор Одиноких островов.

В те времена жизнь на островах текла медленно, неторопливо, поэтому сначала открылась лишь небольшая дверца, вышел взъерошенный парень в выдавшей виды грязной шляпе вместо шлема, со ржавым копьём в руке, и удивлённо заморгал, увидев перед воротами огромную толпу.

Не разобрав, что к чему, горе-стражник заученно забормотал:

– Губернатор не принимает. Никаких встреч без записи, кроме как с девяти до десяти во вторую субботу каждого месяца!

– Шляпу долой перед королем, пёс! – громовым голосомскомандовал лорд Берн и так ударил его по плечу латной рукавицей, что шляпа слетела сама.

– Что это вы себе... – начал было привратник, но никто не обратил на него внимания.

Двое солдат Каспиана прошли в дверцу и, повозившись со ржавыми засовами и задвижками, настежь распахнули обе створки ворот. Король с сопровождающими вступил во двор, где праздно шатались несколько стражников губернатора, а потом ещё несколько (по большей части утирая рты) выскочили из разных дверей. Вооружение их было в плачевном состоянии, но сражаться они бы смогли, если бы имели предводителя и понимали, что происходит. Момент был опасный, но Каспиан не дал им времени на размышления:

– Где ваш командир?

– Это я... в некотором роде, если вы понимаете, что я имею в виду, – томно отозвался щеголеватый молодой человек, совершенно безоружный.

– Мы очень надеемся, – сказал Каспиан, – что наш королевский визит в эту часть Одиноких островов станет радостным, а не ужасным событием для наших подданных. Если бы не это, я бы сказал вам несколько слов о состоянии вооружения ваших людей. Но сейчас вы прощены. Прикажите открыть бочку вина, чтобы ваши люди могли выпить за наше здоровье, а завтра в полдень я желаю видеть их всех в этом дворе, и чтобы выглядели не как бродяги. Проследите за этим, иначе мы разгневаемся.

Командир раскрыл от удивления рот, но Берн тут же командовал:

– Троекратное «ура!» королю!

И солдаты, которые, возможно, поняли только про бочку вина, поддержали его. Каспиан приказал большей части своего отряда остаться во дворе, а сам вместе с Берном, Дринианом и четырьмя солдатами вошел в зал.

За столом в дальнем конце зала в окружении секретарей сидел губернатор Одиноких островов Гумп, когда-то, очевидно, рыжеволосый, но теперь почти седой. Выглядел он весьма раздраженным. Посмотрев на вошедших, потом на разложенные бумаги, он машинально произнес:

– Никаких встреч без записи, кроме как с девяти до десяти во вторую субботу каждого месяца!

Каспиан кивнул Берну и отошёл в сторону, а Берн и Дриниан шагнули вперёд, ухватились, каждый со своей стороны, за стол и отшвырнули его к стене, где он перевернулся и с него потоком посыпались письма, папки, ручки, чернильницы, сургуч и документы. Затем, не грубо, но твердо, словно железными клещами, они вытащили Гумпа и поставили футы в четырёх перед креслом, в котором уже сидел Каспиан, положив на колени обнажённую шпагу.

– Милорд, вы не оказали нам гостеприимства, которого мы ожидали. Я король Нарнии, – заявил Каспиан, устремив на Гумпа жёсткий взгляд.

– Об этом не было никаких сообщений. Ни малейшего упоминания. Я бы не пропустил такой новости. Почта работает нерегулярно. С удовольствием рассмотрю ваше обращение...

– Мы приехали проверить, как вы, губернатор, справляетесь со своими обязанностями, – оборвал его Каспиан. – Я требую объяснений по двум вопросам. Во-первых, мои люди не обнаружили документов, которые свидетельствовали бы о том, что эти острова последние сто пятьдесят лет платили дань королю Нарнии.

– Этот вопрос будет рассмотрен на заседании совета в следующем месяце, – сказал секретарь Грампас. – Если предложение пройдет, мы создадим комиссию, и она даст отчет о финансовой истории островов на первом же в следующем году заседании, и тогда...

– А также хочу напомнить, что в наших законах совершенно ясно написано, – продолжил Каспиан, – что, если дань не выплачена, весь долг должен уплатить губернатор Одиноких островов из своей собственной казны.

Тут Гумп вскинул брови и заявил:

– Об этом не может быть и речи! Это невозможно в силу экономических ... э... причин. Ваше величество, должно быть, шутит.

Всё это время он думал, есть ли какой-нибудь способ избавиться от неожиданных гостей. Если бы Гумп знал, что в распоряжении Каспиана всего один корабль и несколько матросов, то сейчас проявил бы необычайную любезность, а ночью окружил бы его и всех перебил. Но по проливу плыл корабль и подавал сигналы, как решил губернатор, своему сопровождению. Поначалу он не понял, что это королевский корабль, потому что стоял полный штиль, штандарт не развевался на ветру и золотого льва видно не было. Губернатор стал ждать дальнейших событий, потому что теперь воображал, что Каспиан привёл с собой в Бернстед целый флот. Он даже предположить не мог, что кому-то придёт в голову явиться в Узкую Гавань и взять власть на островах с горсткой солдат. Сам он никогда бы на такое не решился.

– Во-вторых, – продолжил Каспиан, – я хочу знать, почему вы попустительствуете такому отвратительному и жестокому занятию, как работорговля. Это противоречит нашим древним традициям и обычаям.

– Но без этого невозможно, – возразил губернатор. – Это основа экономического развития островов, уверяю вас, и гарант их процветания.

– Зачем вам нужны рабы?

– На экспорт, ваше величество. Мы продаем их, по большей части тархистанцам, но есть и другие покупатели. Здесь крупный центр этой торговли.

– Другими словами, вы без них не обойдётесь. А для какой ещё цели они служат, кроме как набивать карманы таких, как Мопс?

– Ваше величество молоды, – произнес Гумп, пытаюсь изобразить отеческую улыбку, – и вам трудно понять, с какими экономическими проблемами это связано. У меня есть статистика, диаграммы, ...

– Согласен, я молод, – сказал Каспиан, – но, столкнувшись с работоторговлей изнутри, думаю, что понимаю в ней не меньше, чем вы. И не вижу, чтобы она приносила островам мясо или хлеб, пиво или вино, древесину, книги или музыкальные инструменты, лошадей, оружие или что-то ещё стоящее. Но, приносит или нет, работоторговля должна быть прекращена.

– Нельзя же повернуть стрелки часов назад, – попытался спорить губернатор. – Разве вы не признаёте прогресса, развития?

– Я видел их начало, – стоял на своём Каспиан. – У нас в Нарнии говорят о таких вещах «разложение». Эту торговлю, повторяю, следует прекратить.

– Я не могу взять на себя ответственность за такие меры.

– Что ж, хорошо. В таком случае своей властью мы освобождаем вас от занимаемой должности. Милорд Берн, подойдите ко мне.

И прежде чем Гумп до конца понял, что происходит, Берн опустился на одно колено, и, взяв руки короля в свои, дал клятву править Одинокими островами в соответствии с традициями, законами и обычаями Нарнии. И Каспиан сказал:

– Думаю, хватит нам губернаторов: лорд Берн станет герцогом Одиноких островов, – распорядился Каспиан и обратился он к Гумпу: – Что касается вас, милорд, я прощаю вам долги, но до завтрашнего полудня вы и ваши люди должны освободить замок – теперь это резиденция герцога.

– Послушайте, – вмешался один из секретарей Гумпа, – давайте прекратим разыгрывать сцены и поговорим по-деловому. Вопрос, который перед нами стоит...

– Вопрос в том, – прервал его новый глава островов, – уберётесь ли вы отсюда со своим сбродом без порки или предпочтёте её дожидаться. Выбирайте.

Когда всё разрешилось, Каспиан приказал подать лошадей. В замке их было не много, и смотрели за ними плохо – это сразу было заметно. Каспиан вместе с Берном, Дринианом и ещё несколькими людьми поскакал в город, прямо к рынку, где торговали рабами. Это было длинное низкое здание неподалёку от гавани, и то, что они застали, напоминало любые другие торги, то есть там собралась толпа, а Мопс,

взобравшись на помост, сипло выкрикивал:

– Вот, господа, номер двадцать три. Крестьянин из Тервинфии. Может работать и в шахтах, и на галерах. Около двадцати пяти лет. Посмотрите, все зубы здоровые. А какие мускулы! Сними с него рубашку, Такс, пусть все посмотрят. Вот это мускулы! Вот это плечи! Десять полумесяцев от господина в углу. Вы, наверное, шутите, сэр. Пятнадцать! Восемнадцать! Восемнадцать за двадцать третий номер. Кто больше? Двадцать один. Благодарю вас, сэр. Двадцать один полумесяц за номер...

Тут Мопс замолчал и застыл в изумлении, увидев вооруженных людей, продвигавшихся к помосту.

– Все на колени перед королем Нарнии! – приказал герцог.

Присутствующие слышали стук копыт и топот у входа в здание, а многие уже знали о появлении корабля и событиях в замке. Большинство повиновались приказу, а тем, кто не подчинился, помогли стоявшие рядом. Некоторые выкрикивали приветствия.

– Ты мог бы лишиться головы, Мопс, за то, что вчера твоя рука коснулась короля, – сказал Каспиан, – но прощён, потому что не подозревал об этом. Работорговля запрещена во всех наших владениях четверть часа назад, поэтому я объявляю всех рабов свободными.

Чтобы призвать к тишине выкрикивавших приветствия рабов, его величеству пришлось поднять руку.

– Где мои друзья? – спросил Каспиан у Мопса.

– Эта миленькая девочка и приятный молодой человек? – заискивающе улыбнулся тот. – Ну, их купили сразу же.

– Мы здесь, здесь, Каспиан, – крикнули в один голос Люси и Эдмунд, а из другого угла пискнул Рипичип:

– К вашим услугам, сир.

Все они были проданы, но те, кто их купил, собирались приобрести ещё рабов, поэтому никуда не ушли. Толпа расступилась, пропуская троицу, и друзья радостно обнялись с Каспианом. Подошли два тархистанских купца. У местных жителей были смуглые лица и длинные бороды. Они носили развевающиеся одежды и оранжевые тюрбаны и были мудрым, богатым, любезным, жестоким и древним народом. Купцы низко поклонились Каспиану и наговорили ему цветистых комплиментов, предрекая благоденствие в садах рассудительности и добродетели и тому подобное, но, разумеется, им хотелось получить назад свои деньги.

– Это вполне справедливо, господа, – согласился с ними Каспиан. – Каждый, кто купил сегодня раба, получит свои деньги назад. МоПС, отдай им свою выручку.

– Ваше величество, вы хотите разорить меня? – заныл тот.

– Ты всю жизнь наживался и калечил судьбы, так что, если даже и разоришься, нищим быть лучше, чем рабом. – Тут Каспиан вспомнил про Юстаса. – А где ещё один мой приятель?

– А, *этот*? О, заберите его, сделайте милость. Рад буду сбыть его с рук. Даже в самые худшие свои дни я не видел

такого неходового товара. За пять полумесяцев его и то никто не взял. Предлагал его в придачу к другим, но все опять отказывались: не хотели ни брать, ни смотреть на него. Такс, приведи этого зануду.

Именно таким Юстас и был, каким выглядел, — занудой. Оказаться проданным в рабство никому не хочется, но, возможно, ещё хуже, когда тебя даже купить никто не хочет.

Как обычно, едва завидев Каспиана, он начал с претензий: — Ты где-то развлекаешься, в то время как остальные сидят в тюрьме! Наверняка даже не пытался выяснить, есть ли здесь британский консул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.